

Онтологические основы праксиологии с позиций информационно-кибернетического подхода

В. С. Новожилов

Мировоззренческая культура каждой эпохи ищет опору и обоснование в самых актуальных для своего времени научных и философских идеях, определяемых самой логикой жизни, – все обновляющимся опытом познания и преобразования действительности.

Современная научно-техническая революция и особенно революция в области средств и способов организации материальной и духовной деятельности ставит перед мировоззренческой культурой нашего времени задачу переосмысления общей направленности и структуры философского знания.

При всей многоаспектности этой задачи неизменным остается праксиологический угол видения философской проблематики. Точка зрения практики методологически превращается для философии в интегративное средство анализа, позволяющее диалектически совместить в единой картине мира материальные и духовные аспекты бытия, органически связать онтологию и гносеологию с философской антропологией и культурологией.

Данное соображение, на наш взгляд, следует брать в расчет при совершенствовании программ философского образования на всех его уровнях и направлениях – от базисного до прикладных. При этом, главная методическая цель состоит не во внешнем, терминологическом обновлении философской лексики в духе праксиологии, а во внутреннем, а именно концептуальном переосмыслении традиционных тем философского обучения.

Дело усложняется недостаточной разработкой праксиологической тематики в нашей философской литературе. Для отечественной философии, родословная которой имеет глубокие марксистские корни, это обстоятельство тем более удивительно, что в аутентичном диалектическом и историческом материализме деятельностный праксиологический подход к пониманию человеческой активности и даже организации всего мирового порядка являлся самым главным, можно сказать, – исходным пунктом и нормой для всякого объяснения.

Методологическая значимость категории практики в кардинальном материалистическом переосмыслении К. Марксом гегелевского философского наследия выражена в хорошо известной его фразе из «Тезисов о Фейербахе» о том, что в истории философии «...Деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом, но только абстрактно...» [1, с. 264]. Задача, следовательно, состояла в том, чтобы дать адекватную, т. е. диалектико-материалистическую трактовку категории практики, проводя праксиологический принцип через все содержание философии и социологии.

Однако исторически сложилось так, что в марксистской литературе прошлого века праксиологические вопросы рассматривались однобоко, преимущественно в гносеологическом и социокультурном аспектах. Онтологическое обоснование праксиологии чаще всего сводилось к декларативным рассуждениям о субстанциальном характере человеческой деятельности, поскольку она совершается в основном по законам природы. Почти неразработанной в мировоззренческом и методологическом плане осталась мысль Маркса из его ранних произведений о том, что в человеческой деятельности природа как бы возвращается к самой себе. В последствии В. И. Ленин в своих «Философских тетрадах» эту мысль выразил так: «Две формы объективного процесса: природа и целеполагающая деятельность человека» [2, с. 179].

Настороженное отношение к попыткам онтологизации категории практики можно объяснить утвердившимся в сознании многих материалистов убеждением, что такие попытки неизбежно чреваты рецидивами вульгарного или умозрительного телеологизма.

Эти опасения, безусловно, имеют некоторые исторические основания.

С древних времен антропосоциоморфное уподобление естественного мира природы искусственному миру человека и его созидательной деятельности приводило к мировоззренческим уступкам религиозному мистицизму. Интуитивно ощущаемая самоактивность природы в этом случае чаще всего представлялась как свободная игра высших духовных сил, подобно таинственным и неведомым целям и смыслам.

Первую попытку рационального натуралистического понимания практики мы находим в «Метафизике» Аристотеля, который понятие «действия и претерпевания» относит к разряду онтологических, оставляя однако в своих рассуждениях место традиционным убеждениям о духовных целедвижущих причинах бытия [3, с. 75].

Д. Бруно, придавая таким представлениям более материалистическую окраску, говорит о внешнем мире как «субстанциальной действительности, в которой заключена активная потенция всего» и определяет материю как первичный субъект всех изменений, заключающий в себе неизбывное стремление и «возможность делать» [4, с. 226].

Этот, пантеистический по своей сути вариант онтологии получил всестороннюю разработку в философии Спинозы. Мыслитель был убежден, что «природа всегда и везде остается одной и той же: ее сила и могущество действия всегда одни и те же» [5, с. 357]. Спиноза даже аффекты (страсти человеческой души) ставил в прямую зависимость от природной способности человеческого тела к действию, т. е. решал психофизическую проблему в духе активистской материалистической онтологии.

В превращенной, спиритуалистической форме идея самоактивности бытия получила новое воплощение в рамках немецкой классической философии, в которой еще со времен «Монадологии» Лейбница с разных сторон прорабатывается концепция глобального Праксиса. Эта концепция наиболее убедительно развернута Гегелем в его «Науке логики», где процесс саморазвития вселенского духа вплоть до состояния человеческой активности интерпретирован с единых методологических позиций. Человеческая практика у него как субъективная деятельность имеет характер некоторого «в себе сущего инобытия», как выражение стремления внешнего мира реализовать себя в другой форме [6, с. 194]. Онтос, гносис и праксис слиты Гегеля в одну систему общемировой жизнедеятельности высшего духа и эта система подчинена всеобщим диалектическим законам функционирования и развития.

Единство объективной диалектики природы и субъективной диалектики сознания превратилось в марксистской философии в основополагающий принцип, но уже на материалистической основе. Однако при интерпретации этого принципа традиционно делается акцент на первом элементе этого единства. С материалистических монистических позиций такая акцентация оправдана, если не доводить ее смысл до крайнего противопоставления материи и духа. Известно классическое положение, что оппозиция материального и духовного ограничена лишь рамками основного гносеологического, т. е. субъект-объектного отношения.

В онтологическом плане понятия материи и духа диалектически подвижны и сочетаются в высшем синтезе логического восхождения от абстрактного их разделения к конкретному соединению.

Оставаясь в рамках диалектико-материалистических убеждений, характер взаимодействия сфер бытия вполне допустимо трактовать как своеобразную «субъективацию» природной картины мира, если понятие субъекта брать в широком смысле и трактовать его как область всякой самоактивности, что, кстати, восходит к самым первым определениям субстанции.

С другой стороны, последовательный материализм требует «объективации» целепологающей субъективной деятельности, присущей человеку. Любое событие человеческой жизни как событие практическое при всей его субъективной уникальности не может быть абсолютно свободным, оно занимает, согласно такому материализму, закономерное место в объ-

ективной мировой линии событий и, следовательно, должно получить глубокое детерминистское истолкование. Только этот подход может привести к реализации главного мировоззренческого кредо – системного представления человека как части природы и природы как части человека.

Праксиология, ориентированная на указанные диалектико-материалистические представления, подкрепленные также новейшими научными аргументациями, способна усилить свою доказательную базу и убеждающее воздействие в ее мировоззренческом противостоянии позитивизму, экзистенциализму и прагматизму, которые в области праксиологической проблематики остаются влиятельными вплоть до последнего времени.

В центре внимания этих западных философских школ лежит понятие опыта, очень близкое по смыслу понятию практики.

Опираясь на это понятие, позитивистская программа реформирования прежней метафизики добилась своей популярности за счет сугубого эмпиризма и физикализма. Балансируя на тонкой грани объективизма и субъективизма, философия позитивизма очень скоро пришла к феноменологической бессмыслице «принципиальной координации «Я» и «НЕ-Я»», глубокомысленным натяжкам в учении о «нейтральных элементах мира», известным логико-лингвистическим абсолютизациям – все в целях обоснования третьей линии в философии якобы свободной от односторонности материализма и идеализма, которая, однако, на поверку оказалась слегка замаскированной в терминах эмпириомонизма очередной, хотя и обновленной версией юмизма.

По своему интересны и симптоматичны для нашей культуры, но также малоубедительны все в той же субъективной настроенности претензии экзистенциализма и примыкающих к нему психологизаторских теорий на создание подлинной философии жизни. Экзистенциалистское понятие «бытия в мире» означает совокупность тривиальных интуитивных переживаний индивида в его стремлении к свободе, и, следовательно, проблема экстрариоризации сущностных сил человека через его деятельность не выводится далее чем за рамки анализа самосознания.

Западный, в основном американский, прагматизм, несмотря на то, что в самом его названии содержится понятие практики, соответствующую проблематику трактует весьма узко, с утилитарно-натуралистических позиций. Эта философия практики сведена к примитивной житейской аксиологии, ориентированной на критерии очевидной полезности.

В последнее время праксиология, будучи приверженной принципам всеобщности и необходимости всякого теоретического объяснения, отправляясь от философской традиции, вместе с тем обновляет свое содержание, ориентируясь на системный, точнее системно-кибернетический подход. В рамках этого подхода практика может быть представлена в онто-функциональном, информационном аспектах.

Практическая способность в терминах традиционной онтологии означает, как мы говорили, область всякой самоактивности в мире, а значит, самоактивность материи. В объективном мире просто существуют формы связи между элементами и системами – по сути разные способы вещественно-энергетического обмена. Все материальные тела, условно говоря, ищут вовне «свое иное», притягивают другие тела и проникают в структуры других систем. С точки зрения концепции глобальной активности бытия, характерно понимание связи как нарушение границ систем, как взаимопревращение и диффузия материальных потоков. Жизнь природы с этих позиций может быть названа естественным обменным потоком и, следовательно, критерием позитивной качества системы необходимо считать тот набор функциональных свойств, которые обеспечивают эти потоки.

Вещественно-энергетические потоки материального мира с точки зрения современной кибернетики и теории информации могут быть интерпретированы по-новому. Естественное функционирование объекта в контуре прямых и обратных связей необходимо представлять как процесс, имеющий неизменное информационное сопровождение.

Чтобы разобраться в современном понимании тонкой диалектики вещественно-энергетических и информационных потоков взаимодействия систем, отметим, что философ-

ское определение категории информации может исходить из разного понимания онтологического статуса информации. С точки зрения так называемой атрибутивной концепции, категория информации ничем не отличается от категорий пространства, времени, массы, т. е. обозначает фундаментальные свойства движущейся материи. Так же как и категория отражения, она поэтому применима не только к человеческому познанию, но и ко всем возможным способам взаимодействия в мире на разных структурных уровнях его организации.

Так называемые функциональные концепции базируются на определении информации только как отраженного разнообразия строения системы, как особого свойства, проявляющего себя исключительно в динамике меняющихся состояний воздействующей и испытывающей воздействие самоорганизующихся систем, т. е. систем самого высокого уровня организации.

Спор между этими концепциями ведется уже очень давно. Компромисс между ними на сегодняшний момент найден посредством введения понятий потенциальной (или связанной) и актуальной, реализованной информации.

Связанная информация заключена в статичной структуре или морфологии системы, ее элементном составе, способах внутренних связей. Ее поэтому еще называют абсолютной или структурной. Такая информация – свойство всех материальных объектов, она существует столько же, сколько существуют реальные системы, никогда не возникала и не исчезала.

Актуализация этой информации происходит в процессе функциональной активности системы и ее возникновение – ни что иное, как конкретизация всеобщей закономерности превращения возможности в действительность. Отсюда название этого вида информации – актуальная или оперативная.

Понятно, что разорвать эти два вида информационного состояния систем можно лишь в абстракции, так же как абстрактным оказывается противопоставление аспектов строения и развития, синхронии и диахронии в существовании бытия.

Действительное единство потенциальной и актуальной информации наиболее отчетливо проявляет себя по мере усложнения материальных систем, когда информационно-функциональное реагирование во взаимодействиях приобретает сигнально-знаковый, собственно управленческий характер с подлинным целеполаганием на основе опережающего отражения и сознательного построения моделей потребного будущего.

Однако требует обоснования вопрос об источнике этого единства. Нам представляется, что в целях такого обоснования допустим квазиуправленческий стиль рассуждений относительно вышепроанализированных природных взаимодействий. Чтобы избежать при этом крайностей умозрительного органицизма, в современной науке сближают понятия теории информации с понятиями физических областей знания, в первую очередь, термодинамики.

Н. Винер в своих самых ранних работах по теоретической кибернетике подчеркивал формальное тождество количества информации количеству термодинамической негэнтропии, в более общем смысле говорил также о связи величины информации и вероятности всякого события. Большинство современных теоретиков и философов системно-кибернетической ориентации продолжают эти выводы и утверждают, что потери информации весьма сходны с процессами, ведущими к увеличению энтропии и нарастанию неопределенности в поведении материальных систем.

С ростом уровня сложности систем информационно-адаптивные связи обеспечивают сохранение качественных границ в пределах организационной меры жизнедеятельности системы, закономерного перехода ее в процессе развития к другой мере.

Не правда ли, эти, казалось бы, метафизические рассуждения с целью объяснения мира из него самого – прямая конкретизация в свете информационной парадигмы фундаментального принципа самодвижения материи, ее неизбежной «практической» интенции, т. е. абсолютного стремления ко все новым качественным становлениям.

Рождение жизни в процессе физико-химической эволюции материи фактически оказывается высшим практическим достижением природы. Вещественное и структурное разно-

образе косной материи, то, что можно назвать количественно-информационной предпосылкой жизни, переходит в новое качество – адаптивную способность высокого уровня.

М. Эйген называет это новое качество прасемантической биологической информацией, которая обнаруживает себя уже при репродукции живой клетки. Она организует систему генетического кода и развёртывание всей фенотипической программы, обеспечивает метаболизм, т. е. постоянное извлечение из среды свободной энергии для самообновления организма и замедление его падения к деградации и смерти. Вот как, например, описывает учебный процесс воспроизведения жизни в информационно-праксиологических терминах: «Все молекулы и специфические упорядоченные молекулярные структуры, возникшие благодаря межмолекулярным взаимодействиям, имеют ограниченное время жизни из-за теплового движения. Чтобы не потерять накопленную в них информацию, они должны успевать до своего распада построить хотя бы одну идентичную копию, содержащую план строения и функционирования исходной структуры» [7, с. 11].

Информационная актуализация новых адаптивных возможностей в ходе эволюции биосферы и ее переход в стадию ноосферы происходила путем обретения и усовершенствования организмами способности распознавания образов, движения их по многомерным каналам познания, то, что принято называть процессами восприятия, переработки, передачи и использования информации.

Организмическая тенденция современных мировоззренческих поисков очевидна у ученых многих естественнонаучных специальностей – не только биологов и биофизиков, что вполне объяснимо, но и физиков-теоретиков, вдохновленных результатами и выводами своей собственной науки. Например, эта тенденция обнаруживается у Н. Бора, который считал свой принцип дополнительности универсальным для всего познания, а не только для физики как таковой, и предполагал, что вероятностный, свободно-творческий стиль мышления в объяснении деятельности любых систем позволит сблизить со временем физиологию и психологию с физикой и химией. Руководствуясь теми же самыми соображениями, физиолог Ч. Шеррингтон допускал существование глубинного единства «свободы воли» электрона и свободы человеческой познавательной и практической деятельности. Э. Шредингер точно также, в своем определении жизни с точки зрения физики пишет: «Каждый сознательный разум, когда-либо говоривший или чувствовавший «Я», – представляет собой не что иное, как субъект, могущий управлять движением атомов согласно законам природы» [8, с. 304].

В современной теоретической биологии укореняется убеждение, что прогрессирующее развитие организационных форм жизни шло по пути диалектико-противоречивого сочетания жестко детерминированных и стохастических процессов. Это развитие детерминировано стадиями химической предэволюции. Закономерности такой детерминации глубоко исследованы современной синергетикой – общей теорией неравновесных процессов природы.

С одной стороны, эволюция жизни начинается со случайных событий, а с другой, само повышение уровня организации живых систем, с самого низшего молекулярного и вплоть до ноосферного, требует инструктивных детерминаций развития, а значит, жизнь изначально и всецело селективна и проективна. Селективная ценность информации, содержащейся в макромолекулах живого вещества, совершенствуется в результате естественного отбора, а затем с появлением разума – путём сознательного принятия решений в ходе целеполагания и целедостижения.

Современная биофизика в этих вопросах интегрируется с диалектико-материалистической философией, все более склоняющейся к концепции онтологической однородности мира. Физика плюс теория информации с параметром ценности – таков фундамент самого передового мировоззрения, которое отказывается от прежних редуционистских (механистических и энергетических) ориентаций, в пользу организмических обобщений, что в современной литературе носит название информационно-кибернетического перспективизма, объясняющего саморазвитие материи как объективный процесс, направленный к повышению уровня организации.

В заключение, возвращаясь к методическим задачам совершенствования философского образования, обозначенным в начале настоящей статьи, укажем на необходимость уточнения некоторых традиционных тем вузовской программы по философии, а именно, в той части учебных вопросов, которые имеют отношение к онтологии. Считаем необходимым, например, ввести в известную классификацию видов практики новый – онтологический уровень преобразующей активности в соответствии с информационной картиной мира.

Резюме. В статье представлен вариант экспликации онтологических аспектов философского учения о практике в соответствии с концептуальными положениями и методологическими принципами кибернетики и теории информации в общем контексте организмической парадигмы современного научного знания.

Abstract. The variant of an ontological aspect explication of philosophical doctrine about practice according to cybernetics and information theory conceptual positions and methodological principles in the general context of modern scientific knowledge organismatic paradigm is presented in the article.

Литература

- 1 Маркс, К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения: в 50 т. – Т. 42.
- 2 Ленин, В. И. Философские тетради / В. И. Ленин. – Полн. собр. соч. – Т. 29.
- 3 Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. – М., 1975. – Т. 1.
- 4 Бруно, Д. Диалоги / Д. Бруно. – М., 1949.
- 5 Цит. по: Антология мировой философии: в 4 т. – М., 1970. – Т. 2.
- 6 Цит. по: Ленин, В. И. Философские тетради / В. И. Ленин. – Полн. собр. соч. – Т. 29.
- 7 Эйген, М. Игра жизни / М. Эйген, Р. Винклер. – М., 1979.
- 8 Цит. по: Бирюков, Б. В. Кибернетика и методология науки / Б. В. Бирюков. – М., 1974.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 21.01.10